

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-112-121

РЕФОРМЫ-УСТУПКИ КАК РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВ НА ТРЕБОВАНИЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ: ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

П. В. Панов

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов,

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Аннотация

В условиях, когда в стране появляется политически значимое движение за самоопределение (ДС), возникает угроза территориальной целостности государства. Правительства по-разному реагируют на эту угрозу. Наряду с политикой подавления ДС типичной стратегией государств является реализация реформ, направленных на уступки ему. Даже применяя силу против сепаратистов, власти нередко готовы идти на компромисс. Реформы-уступки, однако, далеко не всегда дают желаемый результат. Исследование факторов, влияющих на их эффективность, выполнено методом логистической регрессии на эмпирическом материале более 100 реформ-уступок. Основные предположения, сформулированные на основе институционального подхода, подтвердились: существенное значение для успеха реформ-уступок имеет их «соподчиненность» требованиям движения за самоопределение, а также стабильность соотношения сил и предпочтений акторов (государства и ДС) после проведения реформы. Все это позволяет обрасти в результате реформы своего рода институциональное равновесие, в условиях которого интенсивность конфликта между государством и движением за самоопределение снижается. При этом анализ показывает, что факторы, вытекающие из институционального подхода к исследованию эффективности реформ-уступок, имеют большую объяснительную силу, нежели «традиционные» структурные объяснения.

Ключевые слова: движения за самоопределение; институциональные реформы, угроза территориальной целостности; сравнительный анализ; реформы-уступки.

Введение

В самом сердце Северо-Восточной Индии в горном районе Качар проживает народ димаса. Когда-то у них было свое княжество Качари, и даже в период британской колонизации димаса сохранили определенную автономию. После обретения Индией независимости димаса получили культурную автономию, в 1970 г. Качар стал отдельным административным округом в составе штата Ассам. Все это не устраивало димаса, они выдвинули требование самоопределения и в 1980 г. создали вооруженную организацию Dimasa National Security Force (DNSF), позднее на ее основе возникла Dima Halam Daogah (DHD). Одна часть повстанцев выступала за учреждение для димаса отдельного штата, более радикальные группировки – за создание независимого государства «Дималенд» (Dimaraji), которое включало бы все территории бывшего Качари (Kolås, 2017: 23). В 2003 г. правительство и DHD договорились о прекращении огня, но часть организации (группировка «Черная вдова») не подчинилась и продолжила борьбу. Только в 2012 г. властям удалось подписать мирное соглашение со всеми фракциями DHD на основе того, что димаса получили территориальную автономию: на уровне округа создан Dima Hasao Autonomous Council. Совет является влиятельным органом, и почти все правительственные ведомства находятся под его контролем, кроме полиции, которая осталась в ведении правительства Ассама. Реформа явно снизила остроту конфликта.

В четырехстах километрах на юг от Качарских холмов расположен другой индийский штат Трипурा. Как и у димаса, у трипурцев (коренного населения штата) еще в Средние века сложилось

княжество Твипра, которое затем стало протекторатом в составе Британской Индии, а после независимости получило статус союзной территории (с 1971 г. – штата). Однако после разделения Британской Индии на два государства, когда бенгальцы-индуисты устремились из мусульманского Восточного Пакистана в соседнюю Трипуру, возникла проблема (Ranjan, Chatteraj, 2023). Ни один другой штат не испытал такой массовой миграции, доля трипурцев населения штата сократилась до 25 %, а бенгальцы стали доминирующей группой на данной территории не только демографически, но и политически (Lacina, 2009: 1012). Уже в конце 1970-х годов конфликт между трипурцами и бенгальцами перерос в вооруженное противостояние. Трипурские повстанцы требовали как минимум создания штата, свободного от мигрантов (*Tripura state that is for only the native citizens*), а многие выступали за возрождение Твипры как независимого государства. В поисках компромисса правительство создало для трипурцев автономный совет *Tripura Tribal Areas Autonomous Districts Councils* (TTAACD), под его юрисдикцией находились те территории штата, где трипурцы составляют большинство населения. Тем не менее это не сгладило конфликт, вооруженное противостояние продолжилось.

Таким образом, в отношении трипурцев реформа, весьма сходная с предоставлением автономии димаса, не дала такого же эффекта, и это довольно типично для Индии, где достаточно давно и целенаправленно реализуется политика асимметричного федерализма. Реагируя на требования самоопределения, которые выдвигаются различными этническими группами, власти Индии предоставляют им те или иные преференции, в большем или меньшем объеме, в тех или иных границах и т.д. в зависимости от требований и ресурсов каждого конкретного движения за самоопределение (Bhattacharyya, 2023). Тем не менее даже сходные по содержанию институциональные реформы, которые реализуются в ответ на похожие требования самоопределения, в одних случаях приносят умиротворение (движения димаса, бодо, хмар), а в других ведут к продолжению, а порой и к эскалации конфликта (движения трипурцев, нага, гуркхов). Почему так происходит?

Как представляется, вопрос выходит далеко за рамки Индии. Реформы, направленные на уступки движениям за самоопределение (ДС) – достаточно типичная стратегия государства, особенно в условиях, когда возникает угроза его территориальной целостности. Даже применяя силу против сепаратистов, власти нередко идут на компромисс, предоставляя народам, требующим самоопределения, определенную автономию. В ряде случаев это дает желаемый результат, и угроза территориальной целостности как минимум снижается (Ачех в Индонезии, хорваты в Боснии и Герцеговине и т.д.). Однако зачастую, несмотря на реализацию институциональных реформ, направленных на уступки ДС, угроза территориальной целостности государства остается высокой (Шотландия в Великобритании, Папуа в Индонезии, Западный Тоголенд в Гане и т.д.).

Разумеется, в каждом отдельном случае соответствующие эффекты реформ-уступок можно объяснить специфическими причинами, однако, как представляется, есть некие общие закономерности. В данной работе предпринята попытка теоретически обосновать и эмпирически протестировать несколько предположений относительно факторов, влияющих на эффективность институциональных реформ-уступок, которые реализуются государством в ответ на требования самоопределения. Институциональная реформа понимается как эффективная, если после ее реализации угроза территориальной целостности государства со стороны ДС не является высокой¹ В первой части статьи предложены некоторые теоретические размышления сквозь призму институционального подхода. Затем представлены эмпирические данные, на основании которых количественно проверяются выдвинутые гипотезы. В последней части статьи изложены результаты анализа.

Теоретическая модель

В рамках данной работы рассматриваются только такие уступки государства движению за самоопределение, которые представляют собой институциональные реформы, то есть предполагают изменение институтов, а не решение конкретных проблем. Как бы ни была важна реализация крупного инфраструктурного проекта, открытие университета, договоренность о прекращении огня между правительством и повстанцами, освобождение политзаключенных и т.п., все это не относится к институциональным реформам. Для исследования отбираются такие институциональные реформы,

¹ Следует оговориться, что «после» не обязательно «вследствие» реформы. Речь не идет о каузальности, поскольку реформа отнюдь не единственный фактор, влияющий на угрозу территориальной целостности. Каузальность связей в данном случае можно выявить лишь качественными исследованиями.

которые связаны с требованиями ДС или вызывают реакцию с их стороны².

Поскольку речь идет об институциональных реформах, для объяснения вариативности их эффектов представляется уместным использовать институциональный подход. С точки зрения ставшей классической теории Д. Норта институциональные изменения происходят тогда, когда: а) меняются предпочтения акторов; б) меняется соотношение сил между акторами (Норт, 1997: 108–110). Применительно к эффективности институциональной реформы из этого следует, во-первых, что она будет более эффективной, если содержательно представляет собой некое институциональное равновесие, то есть соответствует сложившемуся на данный момент соотношению сил между акторами с их преференциями. В иных случаях повышается вероятность оспаривания данной реформы, и, следовательно, она не будет способствовать снижению угрозы территориальной целостности³. Например, как показывают некоторые исследования, предоставление автономии имеет слабый эффект, когда она дается слишком поздно или в недостаточном объеме (Cederman et al., 2015). Это не значит, что реформа должна полностью удовлетворять требования ДС, но, если, к примеру, движение выдвигает требование сепатации, предоставление права на изучение родного языка в начальной школе вряд ли можно считать достаточной уступкой. Таким образом, теоретически значимый фактор эффективности реформы – ее содержание с точки зрения соотнесения с требованиями ДС в контексте сложившегося соотношения сил, обозначим этот параметр как «соподчиненность реформы».

Во-вторых, продолжая эту логику, можно предположить, что реформа будет более эффективной в том случае, если после ее реализации соотношение сил между акторами принципиально не меняется, поскольку в противном случае стороны конфликта будут более склонны оспаривать содержание реформы. Так, нередко в условиях ослабления государства наблюдается всплеск сепаратистских движений (яркий пример – распад Югославии). В случае усиления государства оно, напротив, может отменить уступки ДС, которые были реализованы или обещаны ранее, как, например, сделал Саддам Хусейн в отношении курдов, отказавшись в 1970-е годы от уже достигнутой договоренности о предоставлении им автономии. Аналогичное следствие имеет и существенное усиление / ослабление ДС.

В-третьих, в той же логике негативные последствия для эффективности реформы имеет изменение преференций акторов – участников политico-территориального конфликта. Так, смена власти в стране может привести к тому, что новое правительство будет тормозить реализацию институциональной реформы (Читтагонг в Бангладеш). С другой стороны, и у ДС могут смениться предпочтения, особенно в случае, когда движению не хватает единства и сплоченности, когда оно состоит из различных группировок, выдвигающих разные требования. Как доказано исследователями, чем выше степень фракционализации ДС, тем труднее найти и реализовать компромиссное решение (Cunningham, 2014).

В-четвертых, существенное влияние на эффективность институциональных реформ оказывает степень взаимного доверия акторов – *credible commitment*, проблема, достаточно хорошо исследованная в литературе (Jenne et al., 2007; Walter, 2009). Соглашаясь с содержанием реформы, стороны должны еще и верить в то, что контрагенты будут следовать взятым обязательствам. На степень доверия, как можно предположить, оказывают влияние различные факторы, и один из наиболее важных среди них – история вопроса (длительность и интенсивность конфликта между государством и движением за самоопределение).

Наконец, необходимо учитывать, что на эффекты институциональных реформ-уступок оказывают воздействие некоторые структурные факторы. Они хорошо известны и связаны в первую очередь со специфическими характеристиками территории, где действует ДС: социокультурными, географическими, историческими и иными. При прочих равных условиях, чем выше такая специфика, тем сильнее стремление к созданию собственного государства, и не трудно представить такую ситуацию, когда государство делает все, чтобы «умиротворить» сепатистов и готово идти на самые радикальные компромиссы, однако в силу специфики территории желание иметь «свое» государство настолько сильно, что даже после самых серьезных уступок угроза территориальной целостности остается высокой.

² Государство может проводить реформу, имея иные мотивации, а не в «ответ» на требования ДС, но такая реформа может иметь значение для ДС.

³ «Институциональное равновесие – это такая ситуация, в которой при данном соотношении сил игроков... ни один из игроков не считает для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений» (Норт, 1997: 112).

Кроме того, как установлено в предыдущих исследованиях, реформы-уступки менее эффективны, если они сопровождаются подавлением движения за самоопределение (Панов, 2025), что наблюдается достаточно часто, особенно когда акторами ДС являются повстанческие группировки.

Таким образом, исходя из представленных размышлений, можно предположить, что эффекты институциональных реформ-уступок на угрозу территориальной целостности государства определяются следующими (группами) факторами:

- 1) политикой государства в отношении ДС («согласием» реформ-уступок и сочетанием уступок с подавлением ДС);
- 2) соотношением сил между государством и ДС после реформы;
- 3) предпочтениями акторов после реформы;
- 4) историей конфликта (длительность и интенсивность);
- 5) структурными факторами.

Эмпирическая база исследования

Эмпирически данная работа основывается на оригинальной базе данных IR-SDM Dataset⁴. Опираясь в первую очередь на список движений за самоопределение из проекта SDM Dataset, который реализован группой исследователей под руководством Н. Самбаниса (Sambanis et al., 2018), для IR-SDM Dataset отобраны политически значимые и выдвигавшие политico-территориальные требования (то есть касающиеся политического статуса территории) движения за самоопределение, которые действовали в период с 1991 по 2020 год (171 SDM в 77 странах мира)⁵. В отношении каждого из них в IR-SDM Dataset закодирована политика государства и выделены «эпизоды» – временные интервалы, в рамках которых институционально проводилась «одна политика». Каждая политico-институциональная реформа является началом нового эпизода как единицы наблюдения; если же институциональных реформ не было, весь период (с 1991 года) рассматривается как один эпизод. Таким образом, всего в IR-SDM Dataset 342 эпизода, но для данного исследования были отобраны 166, которые начинаются с реализации реформ-уступок. В ряде случаев, однако, в отношении одного ДС в течение 1991–2020 годов были реализованы несколько реформ-уступок; чтобы избежать при анализе автокорреляции, были взяты только последние по времени реформы. В результате общее количество наблюдений составило 110.

Зависимая переменная – степень угрозы территориальной целостности государства, исходящая от движения за самоопределение (далее «угроза») – *Threat_integrity*. Поскольку в IR-SDM Dataset включены только политически значимые ДС, потенциально все они представляют угрозу территориальной целостности, даже если не выдвигают сепаратистских требований. Это связано с тем, что угроза как таковая понятие субъективное, и государства зачастую интерпретируют самоопределение как сепаратизм, даже если у ДС нет сепацсионистских устремлений. Как представляется, для этого есть определенные основания, поскольку внутри движения почти всегда есть акторы, которые занимают более радикальные позиции, и даже если в данный момент они маргинальны, опыт многих движений, включая Шотландию, Каталонию, показывает, что в перспективе радикалы могут стать влиятельной силой. Вместе с тем степень угрозы – величина вариативная, и в данной работе она закодирована дихотомически: «1» – наличие сильной угрозы; «0» – отсутствие сильной угрозы. Индикаторы (точнее – прокси-индикаторы) сильной угрозы – наличие в ДС политически значимых сепаратистов; высокая степень интенсивности конфликта (насильственный конфликт), а также потеря центральной властью контроля над территорией, где действует ДС, проведение на этой территории референдума о независимости, официальное принятие декларации о независимости. На основании этих индикаторов установлено, что из 110 единиц наблюдения (эпизодов, когда государство шло на реформы-уступки в отношении ДС) высокая угроза (значение «1») наблюдается в 49 случаях, тогда как в 61 реформа-уступка не сопровождается сильной угрозой⁶, то есть эти реформы можно считать достаточно эффективными.

⁴ Политico-территориальная гетерогенность, движения за самоопределение и институциональные реформы (IR-SDM Dataset) [Электронный ресурс]. URL: http://identityworld.ru/index/waydinstitutions_rus/0-328#tab5 (дата обращения: 04.07.2025).

⁵ Дополнительно к SDM Dataset были использованы и другие авторитетные информационные ресурсы: Conflict Barometer, UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset, Ethnic Power Relations dataset и т.д. В IR-SDM Dataset не включены те движения за самоопределение, которые не выдвигают политico-территориальных требований, ограничиваясь политico-культурными (культурно-национальная автономия, официальное признание этнической группы, языка и т.д.).

⁶ Включая и те случаи, когда и до реформы угроза не была сильной.

Перечень независимых переменных вытекает из предложенной в предыдущем разделе теоретической модели.

Политика реформ-уступок. Закодировать «соразмерность» реформы весьма проблематично, поскольку вряд ли можно точно измерить соотношение сил между государством и движением. Кроме того, многие исследователи не без оснований рассматривают взаимодействия между государством и ДС через призму торга (*bargaining*). ДС зачастую выдвигают завышенные требования, чтобы добиться от властей умеренных уступок. Государство, наоборот, нередко «занижает планку», зондируя почву в поисках минимального компромисса, на который готово пойти движение (Jenne et al., 2007). В качестве аппроксимации для кодировки соразмерности реформы использована следующая логика: 1) если в эпизоде, предшествовавшем реформе, в движении не было политически значимого сепаратистского актора (партии или повстанческой группировки), любая институциональная реформа рассматривается как соразмерная; 2) если же такие акторы были политически значимы⁷, в качестве соразмерной рассматриваются только такие реформы, в результате которых группе, от лица которой действует ДС, предоставлена территориальная автономия, а если таковая уже была – степень автономии (полномочия) существенно увеличена. Соразмерные реформы (*Reform_proportionate*) кодируются как «1», несоразмерные – как «0».

Сочетание уступок с подавлением ДС представлено дихотомической переменной *Combine_supr*, которая принимает значение «1» в случае, когда реформа-уступка сопровождается подавлением ДС. Под подавлением понимаются насилиственные действия в отношении акторов движения, в первую очередь военные операции, а также репрессии, аресты лидеров и т.п.

Изменение соотношения сил между государством и ДС отслеживается через две переменные, связанные соответственно с ресурсами государства и движения. Во-первых, на основании индекса государственности (*Stateness Index*)⁸ рассчитана разница между значениями индекса в последний год эпизода и в первый, то есть в год реформы – *stateness_dif*. Во-вторых, дихотомически закодирована переменная *SDM_get_aut_power*. Она принимает значение «1», если в результате реформы на территории, где действует ДС, создана АТЕ или / и АТЕ получила автономию либо существенное увеличение полномочий⁹. Такого рода реформы очевидным образом увеличивают ресурсы движения¹⁰.

Изменение предпочтений акторов после реформы. Здесь также использованы две переменные. Дихотомическая переменная *gov_change* принимает значение «1», если в рамках эпизода после реформы в стране произошла смена правительства. Вторая дихотомическая переменная *SDM_frgmt* кодируется как «1» в случае фракционализации движения за самоопределение, когда акторами ДС являются несколько политических партий или повстанческих группировок.

История конфликта. Длительность конфликта между государством и движением за самоопределение (переменная *conflict_duration*) определяется как количество лет с года начала ДС до конца эпизода. Интенсивность конфликта (*conflict_high_intensity*) измерена дихотомически: значение «1» эта переменная принимает в том случае, если в течение всего времени конфликта он достигал высокой интенсивности, то есть стадии вооруженного / насилиственного противостояния.

Структурные факторы закодированы достаточно стандартно с помощью трех индикаторов, характеризующих социокультурную, географическую и историческую специфику территории, где действует ДС. Социокультурная специфика заключается прежде всего в этническом характере движения за самоопределение. Примечательно, что только 12 из 110 ДС, включенных в анализ, не являются этническими, но остальные существенно различаются с точки зрения того, какую долю занимает соответствующая этническая группа в населении региона, где действует ДС. Эта вариативность фиксируется в переменной *SDMethnic_region_rang*. Поскольку информация по этнической структуре населения, особенно в региональном плане, зачастую не вполне надежна,

⁷ Операционально политическая значимость сепаратистских акторов определяется следующим образом: 1) сепаратистские требования выдвигают «субнациональные органы власти»; 2) если сепаратистские требования выдвигают политические партии, они значимы, когда эти партии находятся у власти в регионе или входят в коалиционное правительство; 3) если сепаратистские требования выдвигают «повстанцы», они должны быть настолько сильны, что государство реагирует на их наличие, вступая в вооруженное противостояние с ними (высокий уровень интенсивности вооруженного конфликта).

⁸ *Stateness Index* [online]. Available at: <https://www.stateness-index.org/en/downloads> (accessed: 04.07.2025). Индекс принимает значения от 0 до 1, но для анализа он трансформирован в шкалу от 0 до 10.

⁹ В данном случае можно предполагать корреляцию между *SDM_get_aut_power* и *Reform_proportionate*, однако статистические тесты показывают, что она весьма слабая.

¹⁰ Если реформ было несколько, учитываются и предыдущие реформы, не включенные в данное исследование в качестве единиц наблюдения.

значения этой переменной взяты не в процентах, а ранжированы по шкале от 0 до 10. Тем ДС, которые не являются этническими, присвоено значение «0». Из географических факторов, как показывают предыдущие исследования, наиболее сильное воздействие на территориальные конфликты оказывают изолированность региона и его пограничное положение (Панов, 2025). Основываясь на этом, сконструирована дихотомическая переменная *Geo_spec*, которая принимает значение «1» в случае, если территория, где действует ДС, является изолированным регионом (острова, эксклавы) или / и пограничным (есть суходутные границы с другими странами). Что касается исторической специфики территории, где действует ДС, в качестве индикатора использована утрата территорией собственной государственности (*lost statehood*) как наиболее сильный параметр исторической специфики.

Описательные статистики по всем переменным представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Описательные статистики по числовым переменным

Переменная	N	Min	Max	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
Stateness_dif (ранговая 0–10)	110	-2,96	2,06	0,004	0,000	0,661
Conflict_duration (цена деления шкалы –10 лет)	110	1,4	13,9	5,8	5,8	12,3
SDMethnic_region_rang (ранговая 0–10)	100	0	10	5,7	6,0	3,2

Таблица 2

Частоты по категориальным переменным (N = 110)

Переменная	Частота	%
Threat_integrity (1)	49	44,5
Reform_proportionate (1)	91	82,7
SDM_get_aut_power (1)	67	60,9
Gov_change (1)	89	80,9
SDM_fragm (1)	71	64,5
Conflict_high_intensity (1)	60	54,5
Geo_spec (1)	87	79,1
Lost_statehood (1)	44	40,0
Combine_supr (1)	46	41,8

Результаты анализа

Поскольку зависимая переменная дихотомическая, для анализа использована логистическая регрессия. Результаты нескольких регрессионных моделей (с разными наборами независимых переменных) представлены в табл. 3.

Полученные результаты подтверждают теоретические ожидания относительно влияния содержания реформы («сопразмерности» требованиям ДС) на ее эффективность. «Сопразмерность» реформы примерно в 10 раз повышает соотношение шансов в пользу того, что после реформы уровень угрозы территориальной целостности государства будет низким. Что касается влияния политики подавления, наоборот, если при реализации реформы-уступки государство продолжает подавлять движения за самоопределение, это увеличивает соотношение шансов в пользу сильной угрозы примерно в 6 раз, что подтверждает выводы предыдущих исследований.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Номер модели				
	1	2	3	4	5
Reform_proportionate (1)	-2,360*** (0,904) 0,094	—	—	—	-2,387** (1,115) 0,092
Combine_supr (1)	1,684*** (0,571) 5,387	—	—	—	1,871** (0,722) 6,497
Stateness_dif	0,010 (0,368) 1,010	-0,129 (0,356) 0,879	—	—	-0,419 (0,428) 0,658
SDM_get_aut_power (1)	1,594** (0,629) 4,923	0,690 (0,494) 1,994	—	—	1,884** (0,815) 6,580
Gov_change (1)	0,124 (0,678) 1,132	1,170* (0,613) 3,221	1,318** (0,611) 3,738	—	-0,784 (0,820) 0,457
SDM_fragm (1)	0,871 (0,538) 2,390	1,014** (0,495) 2,756	0,894* (0,477) 2,444	—	0,847 (0,601) 2,332
Conflict_high_intensity (1)	0,962* (0,554) 2,617	1,935*** (0,492) 6,922	2,035*** (0,485) 7,651	—	0,887 (0,640) 2,428
Conflict_duration	0,250** (0,114) 1,284	0,143 (0,102) 1,154	0,169* (0,099) 1,184	—	0,265* (0,136) 1,304
SDMethnic_region_rang	—	—	—	0,209*** (0,077) 1,232	0,176* (0,099) 1,192
Geo_spec (1)	—	—	—	1,676*** (0,643) 5,342	1,940** (0,846) 6,962
Lost_statehood (1)	—	—	—	0,965** (0,461) 2,625	0,667 (0,684) 1,948
Constant	-2,567** (1,287) 0,077	-4,175*** (0,935) 0,015	-4,015*** (0,912) 0,018	-3,222*** (0,840) 0,040	-4,883*** (1,870) 0,008
N	110	110	110	100	100
-2 Log-likelihood	99,222	117,359	119,713	116,528	76,870
Pseudo-R ² Nagelkerke	0,504	0,354	0,333	0,250	0,607

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В первой строке представлены регрессионные коэффициенты, во второй в скобках – стандартные ошибки, в третьей – соотношение шансов.

Как и ожидалось, негативно влияет на эффективность реформы изменение соотношения сил между государством и ДС. Переменная SDM_get_aut_power имеет статистически значимые коэффициенты в моделях 1 и 5, то есть существенное увеличение после реформы ресурсов ДС негативно воздействует на ее эффективность, повышая соотношение шансов в пользу сильной угрозы примерно в 5–6 раз. Относительно увеличения ресурсов государства гипотеза, однако, не подтвердилась, возрастание значений государственной состоятельности после реформы не оказывает влияния на ее эффективность. Видимо, это связано с тем, что именно ДС склонны оспаривать

реформу в тех случаях, когда возникает такая возможность, тогда как в отношении государства такой закономерности не наблюдается, а отдельные случаи, в том числе упоминавшийся выше отказ Хусейна выполнить соглашение о предоставлении автономии курдам, представляют собой единичные инциденты.

Теоретические ожидания относительно негативного влияния на эффективность реформ-уступок изменения предпочтений акторов подтверждаются частично. В моделях 2 и 3 (с сокращенным набором переменных) смена правительства (*Gov_change*) более чем в 3 раза повышает соотношение шансов в пользу сильной угрозы, то есть снижает эффективность реформы, однако в двух других моделях коэффициенты этой переменной статистически незначимы¹¹. Примерно такое же влияние оказывает фрагментированность ДС с той лишь разницей, что даже в моделях 1 и 5 коэффициенты *SDM_fragm* близки к уровню статистической значимости (0,105 и 0,159 соответственно).

Снижается эффективность реформы и в тех случаях, когда конфликт между государством и ДС имеет «плохую историю». Обе переменные (и интенсивность, и длительность конфликта) демонстрируют статистически значимые коэффициенты в трех из четырех моделей и даже в той, где это не так, коэффициенты достаточно близки к статистической значимости. В целом каждые 10 лет длительности конфликта увеличивают соотношение шансов в пользу сильной угрозы после реализации реформы примерно в 1,2–1,3 раза, а негативное влияние на эффективность реформы высокой интенсивности конфликта, когда он достигал уровня вооруженного противостояния, еще сильнее.

Как и следовало ожидать, существенное воздействие на эффекты реформ-уступок оказывают структурные факторы, которые показывают статистически значимые позитивные коэффициенты и в модели 4, которая содержит только структурные факторы, и в модели 5 (за исключением *Lost_statehood*), в которую включен весь набор независимых переменных. Между тем весьма примечательно, что объяснительная сила модели 4 (значения -2 Log-likelihood и Pseudo-R2 Nagelkerke) заметно ниже, чем модели 1, которая содержит все переменные, кроме структурных. Иначе говоря, факторы, вытекающие из институционального подхода к объяснению эффективности реформ-уступок, оказываются более важными, нежели «традиционные» структурные объяснения.

В целом проанализированные регрессионные модели неплохо объясняют вариативность зависимой переменной. Во всех моделях достаточно высокая доля правильно предсказанных значений, и она примерно одинакова как для наличия, так и для отсутствия сильной угрозы. Минимальная доля правильно предсказанных значений – 72 % (в модели 4, где только структурные переменные), максимальная – 81 % (в модели 5, которая включает все переменные).

Некоторые наблюдения, однако, сильно отклоняются от предсказанных значений. Наиболее явные девиации, когда, согласно регрессионным моделям, после реализации реформ-уступок угроза территориальной целостности должна быть сильной, но в реальности этого нет, – ДС христианского населения Южно-Молуккских островов в Индонезии, которое стремится к созданию независимого государства; ДС албанцев долины Прешево (Сербия), а также два из многочисленных ДС Мьянмы – моны и пао. Противоположные случаи, когда в реальности после реализации реформ-уступок наблюдается сильная угроза территориальной целостности, тогда как модели предсказывают иное, – Гонконг в Китае и Черногория в бывшей Союзной Республике Югославия. Все эти девиации объясняются специфическими особенностями каждого из движений. Достаточно показателен в этом плане случай Черногории: несмотря на то что принятая в 2002 г. Конституционная хартия существенно усилила ее самостоятельность, утвердив фактически конфедеративную форму государственного устройства, спустя всего четыре года Черногория вышла из состава этого государственного образования; ключевыми факторами, повлиявшими на такое развитие событий, были специфический политico-исторический контекст и специфика партийной системы (Борисова, 2025).

Заключение

В условиях, когда движения за самоопределение создают угрозу территориальной целостности государства, одна из типичных стратегий властей – пойти на компромисс и провести институциональные реформы-уступки. Их эффективность, однако, разная. Из 110 рассмотренных в данной ра-

¹¹ Возможно, это вызвано сильно скошенным распределением значений переменной *Gov_change*: в 80 % случаев она принимает значение «1».

боте реформ-уступок около половины оказались неэффективными с точки зрения того, что после их реализации угроза территориальной целостности государства остается высокой. Сформулированная в данной работе на основе институционального подхода теоретическая модель для объяснения эффективности реформ-уступок, как и любая другая, имеет существенные ограничения, поскольку очевидно, что на эффекты реформ-уступок оказывают воздействие множество специфических для каждого отдельного случая факторов – контекстуальных, исторических и даже персональных. Тем не менее некоторые закономерности, обнаруженные в результате исследования, представляются значимыми. Существенное значение для успеха реформ-уступок имеют их «соразмерность» требованиям движения за самоопределение, а также стабильность соотношения сил и преференций государства и акторов ДС после проведения реформы. Все это позволяет обрести в результате реформы своего рода институциональное равновесие, в условиях которого интенсивность конфликта между государством и движением за самоопределение снижается. Как представляется, значимым результатом исследования является вывод о том, что факторы, вытекающие из институционального подхода к анализу эффективности реформ-уступок, имеют большую объясняющую силу, нежели «традиционные» структурные объяснения.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политico-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Борисова, Н. В. (2025) ‘Кооптация, уступки и риск территориальной дезинтеграции: почему реформы усиливают этнополитические конфликты?’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 3 (в печати) [Borisova, N. V. (2025) ‘Cooptation, concession, and the risk of territorial disintegration: Why do reforms intensify ethnopolitical conflicts?’ [Кооптация, ustupki i risk territorial'noj dezintegracji: pochemu reformy usilivayut etnopoliticheskie konflikty?], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3 (Forthcoming) (In Russ.)].
- Норт, Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: НАЧАЛА, 180 с. [North, D. (1997) *Institutions, institutional change and economic performance* [Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovaniye ekonomiki]. Moscow: NACHALA, 180 p. (In Russ.)]. ISBN: 5-88581-006-0. EDN: YQDVYE.
- Панов, П. В. (2025) ‘«Уступать нельзя подавлять»: выбор государством политики в условиях угрозы сепарации’, *Политическая наука*, 3, сс. 84–106. [Panov, P. V. (2025) ‘Concede not suppress’: the state's choice of policy in the face of the threat of secession’ [«Ustupat' nel'zya podavlyat’»: vybor gosudarstvom politiki v usloviyah ugrozy secessii]. *Political sci- ence*, 3, pp. 84–106 (In Russ.). DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.04>
- Bhattacharyya, H. (2023) *Asymmetric Federalism in India*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 220 p.
- Cederman, L.-E., Hug, S., Schädel, A., Wucherpfennig, J. (2015) ‘Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late?’, *American Political Science Review*, 109 (2), pp. 354–370. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000118>.
- Cunningham, K. (2014) *Inside the Politics of Self-Determination*. Oxford: Oxford University Press. 256 p.
- Jenne, E., Saideman, S., Lowe, W. (2007) ‘Separatism as a bargaining posture: The role of leverage in minority radicalization’, *Journal of Peace Research*, 44(5), pp. 539–558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343307080853>. EDN: JNYCDN.
- Kolås, Å. (2017) ‘Framing the tribal: ethnic violence in Northeast India’, *Asian Ethnicity*, 18(1), pp. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2015.1062050>.
- Lacina, B. (2009) ‘The problem of political stability in Northeast India: Local ethnic autocracy and the rule of law’, *Asian Survey*, 49(6), pp. 998–1020.

- Ranjan, A., Chattoraj, D. (eds.) (2023) *Migration, Regional Autonomy, and Conflicts in Eastern South Asia*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 337 p.
- Sambanis, N., Germann, M., Schädel, A. (2018) ‘SDM: A New Data Set on Self-Determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict’, *Journal of Conflict Resolution*, 62(3), pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364. EDN: YGHEDJ.
- Walter, B. (2009) ‘Bargaining failures and civil war’, *Annual Review of Political Science*, 12(1), pp. 243–261. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.101405.135301>

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

REFORMS-CONCESSIONS AS A RESPONSE OF STATES TO DEMANDS FOR SELF-DETERMINATION: FACTORS OF EFFECTIVENESS

P. Panov

Petr Panov, Dr. Sci. (Political Science),

Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Abstract

When a politically significant self-determination movement (SDM) appears in a country, the territorial integrity of the state is threatened. Governments respond to this threat in different ways. Along with the policy of suppressing SDM, a typical strategy of states is to implement reforms aimed at making concessions to self-determination movements. Even suppressing SDM, the authorities often demonstrate a willingness to compromise. However, reforms-concessions do not always provide the desired results. The study of factors that influence on the effectiveness of reforms-concessions have been carried out using the logistic regression on empirical data from more than 100 reforms-concessions. The main assumptions developed on the ground of institutional approach have been confirmed: the “proportionality” of reforms-concessions to SDM claims, as well as the stability of the ratio of resources between the state and SDM actors, sustainability of their references after the reform have significant importance for the success of reforms-concessions. All this makes it possible to achieve a kind of institutional equilibrium as a result of the reform, under which the intensity of the conflict between the state and SDM decreases. At the same time, the analysis finds that the factors arising from the institutional approach to studying the effectiveness of reforms-concessions have greater explanatory power than “traditional” structural explanations.

Keywords: self-determination movements; institutional reforms; threat to territorial integrity; comparative analysis.

Financial support: The research was funded by the grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project “Why are ineffective institutions borrowed? Managing political-territorial heterogeneity and ensuring the territorial state integrity”) at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.